

Леонид ГРИШИН

Рассказы из серии «Книга в дорогу»

ПОД СТУК КОЛЁС

В 1980 году я был командирован в один из волжских городов с задачей изучить возможности местного завода для выполнения одного правительственного заказа. Общаться пришлось в основном с главным инженером. Ему было сорок лет, почти как и мне. Высокий, спортивного вида и абсолютно седой.

Однажды он зашел ко мне с крайне озабоченным видом и показал телеграмму, в которой сообщалось, что нам необходимо завтра явиться в министерство. Билеты на поезд были уже заказаны. Мы встретились снова в купе вагона.

Поезд тронулся. Заказали чай. Главный инженер достал бутерброды и водку «Столичную». Выпили всего по пятьдесят грамм, поскольку с утра нам предстояло явиться к министру. Поговорили о делах и легли спать. Укладываясь, мой попутчик предупредил, что он во сне разговаривает, извинился заранее и попросил не обращать внимания. Я сказал в ответ, что я во сне иногда даже пою. Он шутку не оценил.

Я уже засыпал, как вдруг в купе раздался крик: «Мама! Мама! Мамочка! Мамуля!» Это был крик не ребенка, а взрослого человека. Я включил свет и вижу, как главный инженер мечется во сне, как будто кого-то отталкивая, и зовет мать: «Мама, мама!» Я потряс его за плечо, позвал по имени. Он открыл глаза, сел, обхватил голову руками, уперся локтями в колени и сидел так какое-то время. Потом поднял на меня глаза и спросил:

— Кричал?

Я кивнул.

— Маму звал?

Я еще раз кивнул.

— Налей водки, — попросил он.

Выпил, посидел, сосредоточенно глядя в одну точку, и стал говорить:

— Это было в сорок третьем году на Украине в оккупации. Отец воевал. Однажды мы с матерью, выйдя из дома, попали в облаву. Людей выстроили в одну шеренгу, и немец стал считать: «Айн, цвайн, драйн, фир, фюнф». Счет остановился на моей матери. Вывели всех пятерых из шеренги. Я не понимал, что происходит. Кто-то рядом крепко держал меня за руку. И вдруг этих пятерых начали расстреливать из пулемета. Я помню, как на маме ее белая кофточка в одно мгновение превратилась в красную и как у нее подкосились ноги, она упала. А что дальше было — не помню. Очнувшись в деревне лежащим на лавке, за мной ухаживает какая-то незнакомая женщина...

Потом была обыкновенная деревенская жизнь. Потом разнесся слух, что освобожден Киев. Когда настала Победа, вернулся с фронта отец и нашёл меня. Жили мы с отцом в городе. Однажды отправились в Москву. Я первый раз ехал на поезде. Лег на полку и стал засыпать под стук колес. Вдруг во сне я ясно услышал пулеметную очередь: колеса поезда стучали, как пулемет, перед глазами возникла картина расстрела матери. Я закричал, отец прижал меня к себе, а я не мог успокоиться и не мог заснуть. И на обратном пути, когда заснул, я опять услышал под стук колес пулеметную дробь и увидел расстрелянную мать в белой кофточке с красными пятнами крови.

Сейчас мне уже за сорок, а меня по-прежнему преследует в поездах тот же кошмарный сон. Обращался к врачам, психологам, экстрасенсам — бесполезно. Видимо, так и будет это со мной всегда. И седой я с детства.

ДОСМОТР

Я любил, когда отец возвращался из командировки, потому что он всегда привозил с собой что-нибудь интересное и необычное. Часто он привозил конфеты. Иногда — в виде маленьких подушечек. Они мгновенно таяли во рту. Мне больше нравились конфеты в бумажных обертках. Я сначала расправлял фантик и облизывал его изнутри, причем дважды за день. Облизнув фантик первый раз, я складывал его и сохранял до обеда, а после обеда доставал из кармана, разглаживал на столе и облизывал второй раз, и мне казалось, что съел обед с конфеткой.

А с самой конфеткой, чтобы она быстро не кончилась, я поступал так: положил ее за щеку и будто бы забыл про нее. Так она может долго находиться во рту. Однажды я весь день ходил с одной конфетой за щекой. Несколько раз отец привозил шоколадные конфеты. Они очень вкусные, но слишком уж быстро тают во рту, а так хочется продлить удовольствие.

Я мечтал, что когда-нибудь у меня будет столько конфет, что я смогу сразу съесть не одну, а две или три. Одну возьму за правую щеку, другую за левую, а одну прямо на язык. До чего же будет вкусно! Наверное, это возможно только при коммунизме, думал я и завидовал счастливым людям, которые будут жить при коммунизме и смогут вдоволь есть конфет.

Однажды отец взял меня с собой на работу, и я оказался свидетелем такой сцены: совершенно неожиданно заходят в кабинет несколько женщин и падают на колени.

— В чем дело? — спросил мой отец, изменившись в лице.

Женщины принялись что-то объяснять и говорили все разом, так что ничего не понять. Отец не выдержал и крикнул:

— Молчать! Встать! Ксения, говори ты.

Все приутихли, а Ксения чуть вышла вперед и сказала:

— Петр Федорович, спаси, помоги нашим сиротам.

— Так в чем дело?

— Петр Федорович, ведь наши мужья вместе с тобой воевали, по твоему приказу шли на пулеметы, погибали. Спаси ихних деток, помилуй!

— Да в чем дело, я спрашиваю?

— Петр Федорович, тебя не было, а тут нам личный досмотр устроили.

— Кто и как?

— Твой зам нас всех заставлял раздеваться, зерно искал и нашел у некоторых в рейтузах, в лифчиках. На всех бумагу составил. Ты знаешь, что нам грозит... Ты знаешь, что нечего жрать и наши дети пухнут от голода!

И опять женщины упали на колени.

— Петр Федорович, помилуй! Сделай что-нибудь!

У отца задергалась щека, такого выражения лица я никогда у него не видел.

— Встать! — крикнул он вновь.

Все встали, сбились в один уголок, прижались друг к другу, лица у всех испуганные, головы вжаты в плечи.

— Идите.

Женщины тихонько вышли гурьбой. Отец схватил телефон и кому-то позвонил.

— Срочно ко мне!

Входит довольный молодой человек и говорит:

— Я не позволю воровать государственное зерно разным всяким.

Отец побагровел от гнева. Мне казалось, он сейчас бросится на своего зама и разорвет голыми руками, осыпая его отборной бранью:

— Ты гнида! Ты живешь только потому, что их мужья грудью заслоняли тебя и погибли, чтобы спасти тебя, сволочь! А ты же знаешь, что их дети помрут, если они эту горсть зерна не принесут домой.

— Это воровство, а за воровство надо в тюрьму сажать.
 — Сегодня же уничтожишь все бумаги, гад!
 — Я не могу этого сделать.
 — Если ты этого не сделаешь, ты не доживешь до утра, — папа сказал это таким голосом, что у меня по спине пробежали мурашки.

Зам повернулся и ушел. Отец занялся делами. Я сидел в углу, сжавшись от испуга. Он вспомнил обо мне, взял за руку:

— Ты ничего не слышал.
 — Нет, не слышал.
 — Пойдем домой.

Мы вышли за проходную, а там стоят те же женщины, сбившись в стайку, смотрят на отца. И опять упали на колени.

— Встаньте, прошу вас, встаньте. Все, что от меня зависит, я сделаю. Идите по домам.

Отец быстро пошел прочь, взяв меня за руку. Я обернулся, женщины все так же стояли, сбившись в кучку.

Мать, увидев отца, чуть не выронила из рук вязание.

— Петь, что случилось?
 — Ничего.

Отец полез в шкаф, открыл дверку, ключ от которой был только у него, достал пистолет, обойму, патроны. Затем сел, разобрал пистолет, протер, смазал. В обойму вставил патроны. Я ожидал, что он сейчас наденет кобуру, как всегда, но в этот раз он этого не сделал. Засунул пистолет за пояс, прикрыл свитером, набросил куртку.

— Ты вернешься? — спросила испуганная мать.
 — Обязательно.

Прошло много времени, я не спал. Мама сидела на кухне, вязала носки у керосиновой лампы. Наконец, слышу — отец пришел.

— Уладил?

— Да.

Я вышел и спросил:

— Пап, он доживет до утра?

Отец улыбнулся:

— Конечно, я ему просто мозги вправил. Они у него немножко пошатнулись. Иди спать, не волнуйся.

В те страшные годы, 46-й и 47-й, был «голодомор». В нашем городке после войны остались в основном одни женщины и работали на спиртзаводе. Лопатили зерно, чтобы оно не горело. Это была самая тяжелая, пыльная и грязная работа. Однажды в отсутствие моего отца его заместитель, считавший себя большим начальником, решил проверить, не прячут ли женщины зерно на себе. Все охранники отказались от досмотра, кроме одного. Это было позорище: заставили женщин раздеться до нижнего белья, охранник выискивал спрятанное зерно и нашел у восьмерых по горсти пшеницы. Был составлен протокол и вызван следователь, который не хотел заводить дело и не решился пускать дело в ход, пока не приехал мой отец. Я не знаю, каким образом отец заставил этого типа забрать бумаги лично у следователя и сжечь, но он сумел спасти тех женщин. Потом я часто встречал их, и они даже кланялись мне.

ЛИЦО ВОЙНЫ

Однажды мой добрый приятель Павел Устинович рассказал мне историю своей жизни, и я решил ее записать. Вот она из первых уст:

«Я родился в Ленинграде. Отец мой — кадровый военный и ушел на фронт в первые же дни войны. Мы с мамой оставались в Ленинграде, когда началась блокада. Однажды ночью в наш дом попала бомба. Помню страшный грохот и сильную боль в голове, особенно с правой стороны. Чей-то мужской голос сказал: «Ребёнок, ка-

жется, жив, только лицо изуродовано сильно, а женщина уже отошла».

Потом меня куда-то везли и что-то делали с моим лицом, очень больно было. Потом опять куда-то везли на машине и на поезде. В конце концов, я оказался в Куйбышеве, в госпитале. Там было много покалеченных детей, без рук, без ног. Мы плакали. И плакали нянечки, глядя на нас и ухаживая за нами.

У меня не было правого глаза, и правая щека была изуродована. В общем, неприятная картина, если смотреть на меня с правой стороны. Одна из нянечек сшила мне повязку, прикрывавшую глаз и часть изуродованной щеки. Из госпиталя меня выписали в детдом, где я не избежал обидных прозвищ и насмешек. Сидел на последней парте, и учителя редко вызывали меня к доске, спрашивали с места.

Прошёл год. Друзьями не обзавёлся, потому что все стеснялись со мной общаться из-за уродства, произведенного войной на моем лице. Однажды зимой шёл я из школы, ужасно замерзли и ноги, и руки, одежда-то была вся на «рыбьем меху». Недалеко от нашего детдома располагалась радиомастерская, и я решил зайти туда погреться. За столом сидел мастер, что-то делал с приёмником. Он глянул на меня и продолжил свою работу, ни о чём не спрашивая. Я подошёл к батарее и прижался к ней спиной и руками. Мастер еще раз на меня глянул и подмигнул.

На другой день, проходя мимо, мне очень захотелось снова туда зайти. Зашёл. Мастер узнал меня:

— Ну, здравствуй, Нельсон!

— Я не Нельсон, я Павел.

— Я не угадываю имена и назвал тебя по другим признакам. Поймешь, когда узнаешь, кто такой Нельсон. Что тебя ко мне привело? Дело какое?

— Да, я замёрз.

— Ну, погрейся, садись, рассказывай, на каком фронте воевал.

— Я не воевал.

— А где ранение получил?

— В Ленинграде.

— Значит, на Ленинградском фронте. Ты в детдоме сейчас?

— Да, в детдоме.

— Поддай-ка мне вон то алюминиевое шасси.

Я подал и тут заметил, что у мастера вместо ноги деревяшка. Я наблюдал за его работой и вдруг непроизвольно спросил:

— А можно я помогу?

— Почему же нет, помощь не помешает.

Я осмотрелся и начал наводить в мастерской порядок. Вынес мусор и стал подметать пол, аккуратно складывая разбросанные предметы. Мастер за мной наблюдал и усмехался. Вдруг мне пришла мысль:

— Можно я разложу радиодетали по коробкам и ячейкам?

— Можно.

Я занимался этим два дня, а когда закончил, мастер удивился тому, насколько облегчилась его жизнь. Теперь ему не надо рыться во всех углах, отыскивая нужную деталь: она лежала на своем месте под надписью. Так я стал подмастерьем в радиомастерской и через месяц получил первую зарплату от мастера, которого звали Василием Степановичем.

Когда он стал платить мне деньги, возникла проблема: где их хранить? Я придумал: пришил к трусам карманчик для денег. Но всё равно боялся, что кто-нибудь, например в бане, увидит, где я прячу деньги, и украдёт. Как-то в разговоре Василий Степанович спросил:

— А на что ты тратишь деньги?

— Я не трачу, я их собираю.

— Собирают яблоки и ягоды, а деньги копят. На что копишь? — и пристально сквозь очки посмотрел на меня, держа в руках паяльник.

Я не хотел говорить, но как-то само вырвалось:

— Хочу купить глаз.

У мастера очки свалились на нос, он выронил паяльник и уставился на меня, как будто не знал, что у меня нет глаза.

— Как это — купить глаз?

— Мне в аптеке сказали, что сейчас делают стеклянные глаза. Конечно, настоящий глаз не купишь, но если вставить стеклянный глаз, похожий на настоящий, то почти незаметно будет, что у человека нет глаза. Только стеклянный глаз очень дорого стоит, и к тому же есть очередь на операцию. Мне аптекарь сказал, что надо сначала на очередь встать, чтобы врачи сделали заключение, но пока у меня всё равно денег нет, а вот когда накоплю, тогда и запишусь на операцию.

— А где же ты хранишь деньги?

— С этим проблема. Я к трусам приделал карманчик и там держу, но боюсь, что старшие могут увидеть и отобрать.

— Можешь хранить свои деньги в этом сейфе рядом с моими, сейчас дам тебе коробочку, — он выделил мне красивую коробку из-под сигар, открыл сейф. — Вот на этой полке пусть лежит твоя коробочка, но если беспокоишься, положи деньги в сберкассу.

— Нет, в сберкассу не положу.

— Почему?

— Я захожу туда, и мне сказали, что положить-то можно, а вот снимешь, только когда будет паспорт. А вдруг я накоплю раньше, чем получу паспорт, и у меня подойдёт очередь, а денег не будет?

— Тогда здесь храни.

Я был рад такому решению проблемы.

Однажды вызвал меня директор школы и вежливо спрашивает:

— Я слышал, ты часто бываешь в радиомастерской?

— Да, помогаю мастеру Василию Степановичу и заодно изучаю профессию.

— И что, умеешь ремонтировать приёмники?

— Умею.

— А этот починишь?

Я вскрыл поломанный радиоприёмник и ответил:

— Починю. Трансформатор целый, а остальное — дело техники. За полчаса сделаю, если освободите от урока.

— Делай.

Я сбегал в мастерскую, взял паяльник, канифоль и нужные детали, вернулся, заменил сопротивление и сгоревшую лампу, подправил изогнувшуюся пластинку в воздушном конденсаторе — приёмник заработал.

— Готово.

— Молодец, спасибо! — похвалил меня директор, потом задумался и говорит: — А ты можешь сделать так, чтобы я из своего кабинета разговаривал с другими кабинетами?

— Это несложно, но потребуются провода, усилитель и динамики, хорошо бы Р-10, их ещё «колокольчиками» называют.

— Ты, пожалуйста, составь список всего необходимого для того, чтобы радиофицировать школу.

На том и порешили. Мой мастер мне помог, и мы за три дня сделали усилитель. Школьный завхоз закупил динамики и провода. Директор назначил мне в помощь старшеклассников, чтобы протянуть проводку в классы. За считанные дни я всё смонтировал, и заработало школьное радио, чему директор был очень рад.

С тех пор меня перестали обзывать в школе «косым», «циклопом» и другими обидными словами, а все стали звать меня Пашей и с уважением ко мне относиться, никто больше не подставлял кукиш к моему пустому глазу смеха ради.

Через некоторое время школу посетила какая-то комиссия. Директор вызвал меня по радио и говорит:

— Вот Павел, это он смонтировал школьное радио.

Один из присутствующих, оказавшийся физиком, попросил меня нарисовать схему усилителя. Мне дали бумагу, карандаш, все обступили меня и наблюдали, как я быстро вырисовываю по памяти конденсаторы и лампы, каждую ножку у ламп. Когда закончил, мне даже захлопали в ладоши: «Ну, молодец!» А некто важный, оказавшийся, как я потом узнал, вторым секретарем горкома партии, внимательно ос-

мотрел меня с головы до ног, что-то спросил у директора, а тот ему что-то ответил шёпотом.

На другой день опять меня вызывает директор:

— Павел, вы сейчас с нашим школьным врачом поедете в больницу.

Ехали мы — на «Победе», присланной сверху специально для этого. В больнице меня ждал целый консилиум врачей. Попросили снять повязку, стали рассматривать мой глаз, вернее, место, где он был. Что-то обсуждали, замеряли, рисовали. Через три дня меня госпитализировали и прооперировали. Я выписался из больницы со стеклянным глазом.

Когда к моему лицу поднесли зеркало, чтобы показать, что у меня опять два глаза, мне показалось, что из обоих брызнули слёзы. Какое счастье! — я вновь обрёл потерянный глаз, пускай и стеклянный, а вместе с ним — и человеческое лицо вместо «лица войны».

В школе все с большим интересом и удивлением смотрели на меня, а когда я пришёл в мастерскую с двумя глазами, у Степаныча очки слетели на нос, он так разволновался, не описать. Ведь он относился ко мне как к сыну.

Школу я закончил с отличием и поступил в местный институт, где чувствовал себя вполне комфортно, хотя немного всех сторонился и друзей не приобрёл, всё-таки мое лицо не отличалось фотогеничностью, обезображенное шрамами.

В моей группе была одна девушка, красивенькая, но не сказать, что и умненькая, она подружилась со мной, чтобы я делал за неё лабораторки и курсовые, я даже лекции, которые она пропускала, конспектировал в двух экземплярах. Иногда она разрешала проводить себя до трамвая. Однажды что-то на меня нашло, и я сделал ей предложение. В ответ раздался смех, и я услышал:

— Ты себя в зеркале видел? Ты всерьёз представляешь себя моим мужем? Ты думаешь, что придёшь к моим родителям, и я им скажу: вот это чудовище — мой муж? — и опять рассмеялась, и этот смех до сих пор звучит в моих ушах.

В тот же день я уехал из города, зайдя к Степанычу проститься. К тому времени мои деньги лежали не у него в сейфе, а в сберкассе на двух книжках. Однажды я прочёл в газете, что в Ленинграде открылся первый институт красоты, где «исправляют носы» и прочее. Вот туда я и уехал.

Прямо с вокзала заявился в этот институт и добился приёма у директора, который оказался внимательным и добрым человеком, выслушал меня, осмотрел и спросил:

— Вы знаете, что у нас операции очень дорогие?

Я достал сберкнижки и раскрыл их:

— Этого хватит?

— Этого более чем достаточно.

— Тогда будьте любезны, сделайте мне человеческое лицо.

— Оно у вас и так человеческое.

— Ну, отшлифуйте, что ли, его!

— Это мы можем, это сделаем. Вы где остановились?

— Да нигде, я с вокзала к вам.

— Что ж, тогда сразу в стационар.

Через день моё «лицо войны» «отшлифовали» на операционном столе. Оно приняло не такой страшный вид, а врач сказал, что это предварительный этап и что через несколько месяцев надо продолжить. Меня выписали.

В Ленинграде без прописки нельзя было находиться дольше месяца, и я решил завербоваться куда-нибудь по специальности радиотехника. Подвернулась вакансия в Ленинградской области по объявлению. Устроился в радиомастерскую, снял комнату и обосновался на новом месте. Потом моё лицо еще раз «отшлифовали» в клинике, и жизнь моя стала налаживаться с новым лицом.

Но, видимо, суждено мне было прожить жизнь бобылём. На какую бы девушку я ни посмотрел, мне до сих пор вспоминается и звучит в ушах тот смех. Но над чем и над кем она смеётся? Она смеётся не надо мной, она смеётся над бедой и не только моей, она смеётся над несчастьями всех людей, чьи судьбы и чьи тела и души покалечила война».

ПОСЛЕДНИЙ УЧЕНИК

Я уже второй год работал на радиоузле небольшого провинциального городка. Рабочий день начинался с шести утра и длился до двенадцати ночи с трехчасовым перерывом с двух часов дня до пяти вечера. В мои основные обязанности входило следить за радиотрансляцией, чтобы та проходила без помех, а кроме того, я занимался на работе ремонтом радиоприемников. Я вообще был большим радиолюбителем и мечтал сделать приемник, который ловил бы «Голос Америки» и радиостанцию «Свобода». Их глушили, а радиолюбители пытались отфильтровать «глушилки» подручными средствами.

Я создавал такой приемник, когда в дверь кто-то постучал. Вошла маленькая старушка. Естественно, я сразу узнал ее. Это была учительница литературы, которую мы за глаза называли Бабкой. Я встал:

— Здравствуйте, Елена Владимировна.

Она кивнула и стала осматривать помещение. Убедившись, что кроме меня там никого не было, спросила:

— Ты что здесь делаешь?

— Работаю.

Я стоял, как примерный ученик, держа в руках паяльник.

— Работаешь? А есть кто-нибудь старший здесь или начальник?

Я ответил, что на данный момент старшим являюсь я.

— Ты? — удивилась учительница.

— Да, я.

— А ты что, понимаешь здесь что-нибудь?

— Наверное, понимаю, раз мне доверили.

— В самом деле? У меня уже третий день не работает радио, вернее, работает, но очень тихо, совершенно ничего не слышно. Чтобы послушать последние известия, мне приходится к репродуктору прикладывать ухо, а это очень неудобно. Можно оставить заявку?

— Да, Елена Владимировна, я в два часа приду, исправлю.

— Ты? — снова удивилась она. — А ты умеешь это делать?

— Да, умею и сделаю.

Она окинула еще раз взглядом помещение и стала боком выходить.

Я предполагал, что нарушены контакты или динамик просится в другое место. Подобрал хороший динамик, проверил его, прочистил звуковую катушку, продул ее хорошенько, чтобы не было никакого хрипа, приготовил инструмент, который мне понадобится, взял провод, прихватил на всякий случай монтерские когти, если вдруг придется лезть на столб, и в два часа поехал на велосипеде к дому Елены Владимировны.

Как она оказалась в нашем поселке, толком никто не знал. Говорили, что она приехала на Кубань из Ленинграда вместе с другими людьми, которых направляли на юг в дома отдыха поправить здоровье. Наша учительница будто бы решила остаться здесь жить и работать. Она была одинокая, ни с кем дружбы не заводила, жила одна. Любила и держала кошек. Иногда на тетрадях, приносимых ею из дома после проверки, виднелись следы кошачьих лапок, а иной раз она тетради не отдавала, сказав, чтобы новые завели. Мы догадывались, что, очевидно, кошки попортили тетрадки.

Елена Владимировна ставила нам двоек и единиц больше, чем все остальные учителя вместе взятые. А получить кол было очень просто. Если ты начинал свой ответ за партой со слов: «Ну, вот...» — она прерывала тебя: «Садись, единица!» И поясняла: «Вот когда вы запряжете меня, тогда и будете нукать!» Когда ты начинал предложение с деепричастного оборота, происходило то же самое.

— Я преподаю вам русскую литературу на русском языке. Давайте говорить на правильном русском языке. Понимаю, что вы казаки, что вы балакаете, но когда ба-

лаканье станет основным или вторым языком на Кубани, тогда и я с вами с удовольствием побалакаю, а пока я буду учить вас русскому языку, поскольку вы живете на Руси и вы — русские, хоть и называете себя казаками. Русские люди должны говорить по-русски. Запомните, что в русском языке предложение начинается с подлежащего...

Никто точно не знал, сколько лет нашей учительнице, прозванной Бабкой. Маленькая, худенькая, седая совершенно, в руке — большой портфель с нашими тетрадями, в которых она делала исправления только красными чернилами и всегда перьевой ручкой, и в иной тетрадке красных чернил было больше, чем наших фиолетовых...

В два часа я прибыл к Елене Владимировне. Осмотр показал, что проводка, конечно, старая, вся на скрутках, кое-где отсутствовали контакты на соединениях. Очевидно, радио было проведено в этот дом сразу после войны, а может быть, еще и в военные годы, когда провода были в дефиците, потому и собрана проводка из кусочков. Я заменил всю проводку и установил розетку для репродуктора. Учительница внимательно наблюдала за всеми моими действиями. Вокруг сидели кошки и котята, некоторые норовили поиграть с проводами.

— Елена Владимировна, — сказал я, подключив новый динамик, — ваш репродуктор я возьму с собой, проверю и исправлю. Вам оставляю вот этот репродуктор, он работает хорошо. Завтра приду опять. Уточните время, удобное для вас.

— А почему завтра?

— Сегодня работаю до двадцати четырех, а завтра у меня выходной.

— Тогда в любое время, когда вам удобнее. С семи утра, пожалуйста, приходите.

— В семь для меня рано, в часов десять приду, хорошо?

Мне хотелось сделать старой учительнице что-нибудь приятное, и я собрал для нее приемник на пальчиковых лампах, ловивший длинные и средние волны.

— Как работает радио? — поинтересовался я, прибыв на следующий день.

— Очень громко работает, приходится приглушать.

— Если вам нравится этот динамик, можете себе его оставить, а на тот случай, если по какой-то причине вновь будет плохо работать радио, я вам принес приемник, который ловит несколько радиостанций.

Я показал наглядно, как он работает, и стал прощаться.

— А ты в институт думаешь поступать? — спросила Елена Владимировна.

— Да, когда доработаю второй год. Сейчас в институт можно поступить, либо отслужив в армии, либо отработав два года на производстве.

— Но ты же не очень грамотный.

— Что есть, то есть. Поэтому я сразу и не поступил в институт.

— В какой?

— В медицинский. По всем предметам — пятерки, а по вашему, по литературе, — тройка.

— Ты всегда был неграмотный, не в пример твоим сестре и брату.

— Елена Владимировна, так уж сложилось. Это, наверное, потому, что я самый младший.

— Так ты думаешь все-таки поступать в институт?

— Да, конечно.

Тут она сказала тихим голосом:

— Хочешь, я буду с тобой заниматься? Буду приходить к тебе и учить тебя грамоте.

— Да я сам бы с удовольствием к вам приходил за этим, Елена Владимировна.

— Нет! Буду приходить я к тебе домой, — резко сказала она.

— Почему? Ведь я же далеко живу.

— И пусть! — у нее на глазах появились слезы, голос задрожал. — Меня выгнали из школы...

— Как!

— Новый директор сказал, что мои методы преподавания устарели и что я порчу показатели, поэтому меня сократили. Я просила, чтобы мне позволили хотя бы факультатив вести бесплатно, а он сказал: «Чтобы духа твоего не было в школе!» — она

достала платок и стала вытирать глаза. — Я буду к тебе приходить, — продолжала она, — и буду думать, что хожу в школу. Буду знать, что я кому-то нужна. Ты когда свободен?

— Я работаю через день.

— Вот и хорошо! Два раза в неделю тебя устроит?

— Конечно устроит. Что я должен делать?

— Будешь писать сочинения и диктанты, — сказала она так, как сказала бы перед классом.

На этом мы простились. Я шел домой и думал о своей одинокой учительнице, чья жизнь в Ленинграде была покрыта тайной, а здесь жизнь ее — школа и ученики. И теперь у нее в жизни остался последний ученик.

Она, как и договорились, стала приходить ко мне домой дважды в неделю. Как и в школе, брала в руки книгу и начинала диктовать. После диктанта задавала мне вопросы по литературе. А больше рассказывала сама о Ленинграде, о дворцах и парках Питера, о Петродворце, о Пушкине, о Павловске, о Гатчине. Для меня это было далеко-далеко. И когда эта маленькая седая женщина начинала рассказывать об этом далеко-далеко, мне казалось, что передо мной стоит гигант, обладающий знаниями, какими мне не овладеть никогда.

Дальнейшая судьба моей учительницы повернулась так. Коллектив учителей нашей школы составил ходатайство, благодаря чему дом престарелых города Пушкина согласился принять Елену Владимировну к себе. Я провожал ее на поезд. И в том же году поступил в институт в Ленинграде. После зачисления сразу поехал в Пушкин проводить свою учительницу. Она очень обрадовалась, глаза светились. Стала расспрашивать, как я сдал экзамены, и осталась весьма довольна моим сообщением, что благодаря нашим занятиям я получил четверку при поступлении.

Мы пошли прогуляться по Екатерининскому парку. Дворец был еще в руинах. Елена Владимировна знала там все закоулки. Очень печалилась по поводу пропажи янтарной комнаты.

Я погрузился в учебу. Прошло два года. Однажды я вновь решил навестить свою учительницу, после того как вернулся с каникул во второй половине сентября. Привез ей с юга домашние варенья: абрикосовое и вишневое. Она страшно обрадовалась моему приезду, обо всем расспрашивала, и мы опять бродили по Екатерининскому парку. Было уже прохладно. Она надела поношенное пальтишко и тот самый свой старенький платок, в котором она всегда ходила в школу.

У дворца стояла группа туристов-иностранцев, молодой экскурсовод что-то рассказывал по-французски. Елена Владимировна остановилась, посмотрела на этого молодого человека, дождалась, пока он закончит рассказ, а затем обратилась к нему:

— Молодой человек, вы говорите по-русски?

— Что вы хотите?

— Молодой человек, вы несете чушь, вы не знаете предмета, садитесь!

Экскурсовод опешил. Я тоже не понял, что произошло. И вдруг Елена Владимировна заговорила на французском языке. Вся группа обернулась к ней. Пожилой француз начал задавать вопросы.

— Кто это? — спросил меня экскурсовод.

— Это моя учительница, — ответил я.

Мимо шли другие группы иностранных туристов и останавливались послушать, о чем говорит по-французски, а при необходимости и по-английски, маленькая седая старушка в поношенном пальто и в стареньком платке. Пожилой француз, задававший много вопросов, вдруг поклонился и поцеловал руку моей учительнице, а другой француз вручил ей букет цветов, и вся группа аплодировала.